

Предисловие

ОСВОЕНИЕ ЕВРАЗИИ

О, эта теплота и это величие коротких отношений между старинными друзьями! Почему их нельзя применить в общении между живущими рядом народами?.. Почему мы должны заменить их чужим, холодным словом: толерантность? Неужели в наш торгашеский век и тут нельзя обойтись без посредников?

Обо всем об этом думал я, когда в татарском культурном Центре в Москве сидел на юбилейном вечере своего коллеги Мурада Аджи, талантливого писателя и ученого, давнего товарища, земляка по иным — северокавказским краям. Кумыка. Тюрколога. Автора книг, ставших бестселлерами: «Полынь Половецкого поля», «Тюрки и мир: сокровенная история», «Без Вечного Синего Неба»...

Оглядывал битком набитый большой зал, в котором там и тут мелькали яркие национальные одежды, вслушивался в речь ведущего. Вспоминал. Кого-то из пришедших уже встречал, и теперь радовался новой встрече с ближними к родной Кубани соседями, карачаевцами и балкарцами, сидящими неподалеку от «разноплеменного Дагестана», и знакомыми по казачьему движению калмыкам. Кого здесь только не было! Русские и татары, якуты и кумыки, азербайджанцы и казахи, крымские татары и кыргызы, башкиры и карачаевцы, балкарцы и узбеки (простите те, кого забыл назвать)...

Поискал глазами кузнецких татар, телеутов, рядом с которыми столько лет прожил в Кузбассе, шорцев: а вдруг, вдруг?.. Нет.

Память возвращала в далекую молодость и во времена более близкие... Три десятка лет назад летел я в Улан-Батор, и, когда остались позади хребты Забайкалья, с бьющимся сердцем стал вглядываться в сопки на равнине... Встречавшему меня переводчику попробовал сказать что-то такое: уж больно, мол, похожи на родные кубанские места! А он насмешливо хмыкнул. Ничего, мол, удивительного. Когда к нам прилетал турецкий писатель Азиз Несин, то, спустившись по трапу, он упал на колени, поцеловал землю и со слезами воскликнул: «Наконец-то я – дома!».

Турецкий прозаик – ладно. Я-то причем? Сижу и улыбаюсь. Что это во мне – проявление той самой русской всемирности, о которой писал Достоевский? Или – игра прапамяти?

И где я, действительно, дома? И где – в гостях?!

Вопрос лишний. Мне давно не приходилось видеть такого братства и столько открытой радости, как в тот вечер, у татар. Я радовался вместе со всеми, прежде всего, за своего товарища: путь к признанию не усыпан цветами, но в тот вечер цветы были в обилии у него в руках – не успевал передавать букеты своей жене и первой помощнице Марине...

С Мурадом мы, с разницей в несколько лет, учились в МГУ. Он закончил географический факультет, и это определило круг его интересов и направление персональных маршрутов. С самого начала они были нацелены на восток – в Сибирь.

Мы познакомились заочно, его фамилию я впервые прочитал на научно-художественном издании «Сибирь: XX век». Из книги чувствовалось, рождалась она не за столом московской квартиры, а где-то среди немереных таежных просторов. Так и было: будущий кандидат наук вкалывал в старательской артели «Яна» (по имени северной реки, на которой стоит Верхоянск – полюс холода). Там родилась идея книги.

Через много лет я буду составлять многостраничный сборник рассказов северокавказских писателей «Война длиною в жизнь». Для пережившего недавнюю войну Северного Кавказа название звучало почти провокационно, но придумал его не я, а менять было поздно: издание уже объявили. Взлся за это непростое дело лишь потому, что увидал, какое духовное богатство остается не только невостребованным — как бы еще и неучтенным.

Открывало сборник крошечное эссе Мурада «Мы говорили на одном языке»: о неразделимом культурном наследии тюрков и славян. Ревнителю чистой «русскости», то есть противнику азиатского подмеса в историю России, объявили меня русофобом... Но я не обиделся, они же не бывали в Сибири. Их служба проходила в пределах Садового кольца, настоящей мужской работы они, похоже, никогда не знали, чем и обделили себя сами.

Мы же с Мурадом «говорили на одном языке» еще и потому, что я встретил в нем Работника с большой буквы. Неутомимого и неумного. Энергичного и бесстрашного. Способного не только на коллективный, артельный труд, но на одиночный опасный поиск. Он доказал это, когда в стране распались привычные связи, а на главное место вышли такие черты характера как личная инициатива и предприимчивость. У него эти качества в избытке. Отнюдь не поиск материальных благ интересовал его.

Одной из найденных в начале пути и осмысленных духовных ценностей предков для Мурада стала философия самоограничения: сведя бытовые затраты к минимуму, он начал писать книги. Знаменитые книги по тюркской тематике, теперь бестселлеры. Их издавали и переиздавали не один раз.

Всего у него более тридцати книг, сотни статей и очерков, включая рассказы для детей. Природная скромность не позволила ему вступить в Союз писателей и тем облегчить свое спартанское существование, Нет, мол, мало сделал. Не готов. А потом и вовсе стало не до того. Так и остался воль-

ным человеком «на вольных хлебах»: писатель знает, что это такое.

Поездки по Сибири и Северу сменились пристальным изучением Кавказа, который когда-то называли вторым Алтаем. Оттуда пути привели его в Казахстан и Иран. И вновь он возвращался в Сибирь, в Якутию и на Алтай, но уже в ином качестве. Из ученого-географа Мурад Аджи стремительно превращался в писателя-востоковеда, тюрколога. Мурад, начинавший вместе с поколением, осваивавшим Сибирь, теперь осваивал Евразию. Сибирь ему была тесна.

Не помню, кто кого из нас «вычислил», кто кому позвонил первым. Но точно знаю, что мы уже были рядом, когда началось это громогласно заявленное «возрождение России». И теперь, сидя на его юбилейном вечере в татарском культурном Центре, вдруг поймал себя на неожиданной мысли.

Я со всей определенностью понял: высоко духовный, подвижнический труд моего товарища — одно из реальных достижений культуры современной России.

Несмотря на широкую известность, думаю, его книги еще не прочитаны по-настоящему, общество не осмыслило их: будь иначе, изменилось бы общественное сознание. Но «публичные» люди, словно сговорившись, стараются даже не упоминать Мурада Аджи, делая вид, будто его книг нет. Иначе придется отвечать на вопросы, поставленные автором, а наш нынешний «истеблишмент», к этому элементарно не готов.

Ведь Аджи своим исследованием раздвинул горизонты российской истории сразу на тысячу лет. Не мало — не много. «Наша история началась не в IX веке, не с призыва варягов на Русь», доказывает он. Раньше. Намного раньше. У России великое прошлое, о котором мы просто не знаем.

Как и почему случился этот преступный провал в памяти народа, рассказывают его неожиданные книги.

Испугавшись собственного пафоса и посмеиваясь над собой, долго решал: как подписать этот короткий текст?

Указать вслед за фамилией: заслуженный, мол, работник культуры Республики Адыгея. Лауреат премии «Белые журавли» имени Расула Гамзатова, Республика Дагестан. Награжден знаком «Золотой орел» Чеченской Республики. Только зачем это?

Важнее другое. На торжество Мурада Аджи я пришел с еще одним выпускником МГУ, тоже географом, кубанцем Михаилом Плахутиным. Миша – прототип главного героя в моей повести «Русский Мальчик». У него мать – сибирячка, а отец – кубанский казак. Он для меня Русский Мальчик. Так же, как мой старый сибирский друг, татарин Рафик Айзатулов. Знаменитый Рафик Сабирович Айзатулов, так много сделавший для родного нам Запсиба. Он, по его словам, «чистый малай», тоже – Русский Мальчик. И куда больше правды в том, что для меня Мурад Аджи такой же «русский мальчик», как они, то есть свой, настоящий патриот России. Не зря предки говорили: «Верит в Бога, значит, свой». Поди-ка на российских просторах разберись, кто есть кто!

Свою легендарную «Полынь Половецкого поля» Мурад начинает словами: «Эту книгу не надо читать тому, кто не знает пьянящего запаха полыни, будоражащей кровь емшан-травы. И тот, кто в вороном коне не видит гарцующей красоты, а в степной песне – улады сердцу, пусть тоже отложит ее, и он не поймет автора. Пожалуйста, не берите ее и те, кому не интересно прошлое и будущее, кому безразличны предки и потомки. Она не для вас... Своему народу посвящаю».

Прошло более двадцати лет, не устарела ни книга, ни эпиграф. Эту книгу надо читать. Читать, как и другие его книги. Читать и думать. Но не всем! С кондачка ее не возьмешь: она адресована читателю умному, равнодушному, которому знаком запах полыни...

Что такое книги Мурада Аджи? Это книги – прорыв. Книги – натиск. Книги – знак. Книги – знамение. Книги – поучение. Книги – сопротивление. Книги – хаос. Книги – порядок. Книги – колокол. Книги – ловушка. Книги –

штурм. Книги – осада. Книги – наказ. Книги – вымысел. Книги – прапамять. Книги – размышление. Книги – совет. Книги – прозрение. Книги – клич. Книги – зов. Книги – фантазия. Книги – дерзание. Книги – пример. Книги – укор. Книги – откровение. Книги – тайна. Книги – отгадка. Книги – плач. Книги – удаль. Книги – поминование. Книги – боль. Книги – подвиг. Книги – крик. Книги – весть. Книги – протест. Книги – печаль. Книги – скорбь. Книги – радость. Книги – удивление. Книги – степь. Книги – ветер. Книги – спор. Книги – восторг. Книги – ярость. Книги – пример. Книги – засада. Книги – стойкость. Книги – небо. Книги – спокойствие. Книги – выбор. Книги – благодарение. Книги – проект. Книги – памятник. Книги – примирение. Книги – завет. Книги – вызов. Книги – предупреждение. Книги – надежда.

Это самое главное: надежда!

Книги Мурада Аджи проникнуты гордостью за свой народ. Но – без гордыни. И читать их надо не предвзято, без гордыни. Это не счет тяжело больному, это – напоминание о мощных и здоровых корнях нашего общества. Что поделать, хорошее лекарство иногда бывает горьким, как, например, полынь. Но это – та самая емшан-трава, пучок, которой предкам служил сигналом к возвращению на Родину. Книги Мурада Аджи – тоже сигнал, призывающий Россию вернуться к истокам и от них вести свою летопись.

А чтобы вернуться к истокам, надо не просто много читать, но и много размышлять, спорить. Иначе нам не избавиться от умело навязанных российской истории стереотипов. Силу и опыт надо черпать из наследия предков, надо учиться ценить добрососедство, оно – главное, дороже нефти, газа, золота. Об этом говорили на юбилее Мурада Аджи, повторяя мысль, которая красной нитью проходит через его творчество: «Мы – единый народ единой страны».

Гарий Немченко, писатель